

Русские диалектные названия вздувшихся вен: этимолого-мотивационный анализ

Леонтьева Мария Олеговна, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург), marileonteva@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170020743-6

АННОТАЦИЯ: В статье проводится этимолого-мотивационный анализ русских диалектных обозначений вздувшихся от варикоза вен. Выявляются две основные причины повышенного языкового внимания к этой телесной области: болезненность (в результате чрезмерного труда) и специфическое внешнее проявление (проступание под кожей в виде продолговатых нитей с утолщениями). Обе эти причины проецируются на мотивационные признаки, лежащие в основе анализируемых диалектизмов: фиксируется ряд метафорических обозначений (вены соотносятся с выпуклыми, утолщенными и изогнутыми предметами). Отмечены и комплексные с точки зрения происхождения наименования *рвотины*, *хруны*, *простни*, *ховрули*, в которых проявляется сочетание двух взаимодополняющих мотивационных признаков — ощущение боли и сравнение с утолщенной нитью или веревкой. В то же время они семантически связаны с глаголами, передающими идею болезненного ощущения (*рвать*, *хрядеть*, *стыть*). Отдельно рассматривается темное с точки зрения происхождения название вздувшейся вены *соворулина*, которое, по авторскому предположению, следует соотносить с двумя группами диалектных лексем — с названиями бус *соврульки* и с обозначениями кустарников ежевики и шиповника (*сарулина*, *сorbалина* и другими). Название бус можно трактовать как метафору на

базе обозначений кустарников, ветви с ягодами которых напоминают нити с бусинами. Для обозначения вздувшейся вены *соворулина* также предполагается метафорическое происхождение от названий кустарников с возможным влиянием формально более близких обозначений бус. Сравнение вздувшейся вены с ветвями кустарников объясняется признаками цвета и формы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская диалектная лексика, говоры Русского Севера, соматическая лексика, этимолого-мотивационный анализ, этнолингвистика
для цитирования: Леонтьева М. О. Русские диалектные названия вздувшихся вен: этимолого-мотивационный анализ // Русская речь. 2022. № 3. С. 31–46. DOI: 10.31857/S013161170020743-6.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

Issues of Modern Russian Language

Russian Dialectal Names of Swollen Veins: Etymological and Motivational Analysis

Leont'eva Maria Olegovna, Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg), marileonteva@yandex.ru

АБСТРАКТ: The article contains an etymological and motivational analysis of Russian dialectal names for veins swollen due to varix. There are two main reasons for increased language focus on this body part: painfulness (because of excessive physical labour) and distinctive manifestation (protrusion under the skin in the form of oblong threads with thickenings). Both these reasons affect motivational characteristics forming the basis of the dialectal

units under analysis: there is a number of metaphoric designations noted (veins correlate with bulging, thickened and bent objects). There are also names that are complex in terms of their origin *рвотины* (rvotiny), *хруны* (khruny), *простни* (prostni), *ховрули* (khovruli). These names combine two intercomplementary motivational characteristics — pain and comparison with a thickened thread or a rope. At the same time, they are semantically related to the verbs conveying the concept of a painful feeling (*рвать* (rvat'), *хрядеть* (khyradet'), *стыть* (styt')). The name of the swollen vein *соворулина* (sovorulina), which is obscure in terms of its origin, requires particular consideration. The author of this article assumes that it should be correlated with two groups of dialect lexical units — with the names of beads *соврульки* (sovrulki) and with the names for blackberry and wild rose bushes (*сараулина* (saraulina), *сорбалина* (sorbalina), etc.). The name of the beads can be interpreted as a metaphor based on the names of bushes, the branches with berries of which resemble threads with beads. The name for the swollen vein *соворулина* (sovorulina) may origin from the names of bushes, with the possible influence of formally closer names for beads. The comparison of the swollen vein with the branches of bushes is explained by the color and the shape.

KEYWORDS: Russian dialectal vocabulary, dialects of the Russian North, somatic vocabulary, etymological and motivational analysis, ethnolinguistics

FOR CITATION: Leont'eva M. O. Russian Dialectal Names of Swollen Veins: Etymological and Motivational Analysis. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 3. Pp. 31–46. DOI: 10.31857/S013161170020743-6.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study is supported by the Russian Science Foundation grant No. 20-18-00223 “Etymologisation and semantic reconstruction of Russian vocabulary”.

Как, по народным представлениям, устроено тело человека, как оно «живет» и функционирует? Для лингвиста один из способов ответа на этот вопрос — наблюдение за тем, насколько равномерно народная соматическая лексика «покрывает» те позиции, которые выделены научной анатомией. Априорно можно предположить, что равномерности не будет: одни части тела могут получить большое количество наименований, в то время как другие — не получить их вовсе. Ясно, что народная традиция может «опустить» номинацию некоторых внутренних органов,

которые недоступны наблюдению и не имеют заметной функции. А какие еще принципы номинативного выделения в ней действуют? Показательно, что особо выделенными в русской диалектной лексике оказываются части тела, которые больше всего страдают от физических нагрузок, перенапряжения и натруженности. В данном исследовании мы обращаемся к обозначениям **вздувшихся вен**, широко представленным в говорах.

Как можно предположить, особо выделяются болезненно вздувшиеся вены на руках и на ногах, ср.: *Жилу у ног ховрулей звали. Вон у меня ховруля какая!* (костр.) [ЛКТЭ]; *Смотри, какима соврулинами стало жильё-то у меня на руках от работушки тяжелой* (арх.) [Дуров, 2011: 383]. При употреблении в речи диалектных обозначений вздувшихся вен стабильно актуализируется «патологический» компонент значения. Стоит отметить, что литературный язык (в его общенародной части) не проявляет особого лексического внимания к этой идеограмме, в нем можно отметить только клинический термин *варикоз*, называющий болезнь. В говорах встречается «аналог» варикоза — влг. *отечёнье* [Паникаровская (ред.) 1993: 90], а болезненные кровеносные сосуды представлены солидным перечнем обозначений, которые обладают особым мотивационным своеобразием.

Народное внимание к крови понятно: она, по славянским представлениям, — «средоточие и символ жизни, субстанция жизненной силы, обиталище души» [Белова 1999: 677]; она широко использовалась в разнообразных обрядах, требующих «живительную» энергию (в земледельческой, скотоводческой, семейной обрядности, в народной медицине), см. об этом [Белова 1999: 677–681]. Для нас наиболее важно представление о крови как о жизненно необходимой основе для физического существования человека: без крови человек не может жить, ср. *обескровить, выпить/высосать всю кровь, выкачать всю кровь* [Крейдлин 2020: 83], кровь осмысливается как нечто, заключающее в себе жизненные силы, ср. литер. *кровь с молоком*, смол. *кровопо́лный* ‘здоровый, кровь с молоком’ [Михалищева 2012: 19; см. также Березович 2021].

Витальная функция актуализируется и в обозначениях «вместилищ» крови — кровеносных сосудов, которые в общенародном языке обозначаются словом *жилы*, ср. также диалектные варианты: арх. *жі́ли* (ед. ч. *жі́ль*), *жі́лки*, *жі́лины*, *пожі́лье*, арх., петерб. *жі́лье*, *жилё*, арх. *жилі́ще* [Филин (гл. ред.) 1972: 177; Гецова (ред.) 2012: 97, 101, 104, 113], смол. *па́жилы*, *па́жилины* [Бояринова (отв. ред.) 1998: 8]. В контекстном употреблении таких лексем (если не описываются ситуации, связанные с патологией) акцент делается на основополагающей роли сосудов в поддержании жизни человека: *Человек весь на жильях, всё везде напрягается* (арх.); *На шею жилы и нервы, по всему телу идут, всё одна жилка идут* (арх.) [Гецова (ред.)

2012: 97))¹. Во фразеологии с опорными словами из этого гнезда проявляется представление о том, что «жилы» первоочередным образом задействованы при разнообразных проявлениях человеческой силы: брян., пск. *со всѣх жил* 'очень сильно, интенсивно', без указ. м. *во все жилки* 'интенсивно, азартно (плясать)' [Мокиенко, Никитина 2008: 232]. Показательны также некоторые производные слова *жила*, ср. пск., смол. *жилістик* 'жилистый, крепкий, энергичный человек' [Филин (гл. ред.) 1972: 174], арх. *жиловатый* 'крепкий, выносливый' [Гецова (ред.) 2012: 108].

Если обратить внимание на семантико-деривационные особенности гнезда *жила*, обнаружится, что эта лексема и ее варианты регулярно получают определенные сдвиги в значении, обозначая другие части тела, в первую очередь — сухожилия²; такое значение актуализировано, например, в перм. *подвѣсть подколённые жилы* 'нанести кому-то непоправимый вред' [Борисова, Прокошева (ред.) 2000б: 136], арх. *становá жила* 'венозная жила, проходящая до оконечности ноги в пятку' [Дуров, 2011: 389]. В просторечии *становáя жила* обозначает позвоночный столб [Балахонова, Войнова (ред.) 1963: 730], ср. также арх. *жилъная жила* 'позвоночник' [Матвеев (ред.) 2005: 370]. Менее регулярно среди дериватов обнаруживаются обозначения мышц (олон. *жилова* [Филин (гл. ред.) 1972: 175]) и нервов (*жилы чувственные*) [Даль 1903: 1347]. Таким образом, «жилы» означают жизненно необходимые, проходящие через все тело «составляющие» человека, которые обеспечивают все виды движений.

Отдельного комментария заслуживает слово *двужильный* 'здоровый, выносливый (о человеке или о животном)'. Е. В. Шабалина [Шабалина 2011: 133–136], анализируя данную лексему с этнолингвистической точки зрения, освещала две версии ее происхождения: это сложносоставное слово можно или привести к опорному компоненту *жила* («обладающий двумя жилами»³), или, согласно А. Ф. Журавлеву, к глаголу *жить*: тогда

¹ Исследователь народной медицины, Г. И. Попов, отмечал, что, хотя в народной картине мира движение крови по жилам вполне осознавалось, не имеется свидетельств понимания связи между движением крови и работой сердца; в некоторых народных представлениях «кровь ходит сама, своей силой» [Попов 1903: 14].

² Показательно определение слова *жила* в литературном языке: «обиходное название кровеносных сосудов, сухожилий» [Шведова 2011: 235]. В наивном языковом сознании (вопреки научной картине мира) кровеносные сосуды и сухожилия сливаются в единый образ. Эту семантическую особенность следует объяснять не только тем, что сухожилия, как и кровеносные сосуды, являются жизненно необходимой составляющей человеческого тела, но и проявляют сходные с кровеносными сосудами внешне проявляемые физические свойства (они выступают под кожей в виде продолговатых выпуклостей).

³ Описывается народное поверье в существование так называемых «двужильных людей», обладающих необыкновенной выносливостью и силой. Эти особенности принято объяснять тем, что у таких людей кровь идет не по одной жиле, а по двум, оттого силы и здоровья у них в два раза больше [Попов 1903: 14].

работает представление о том, что человек, обладающий выносливостью и силой, живет как бы двумя жизнями, за два срока — за счет других [Журавлев 1988: 80]. Е. В. Шабалина убедительно показывает, что первая версия более предпочтительна, однако в то же время нельзя отрицать близость слов *жила* и *жить* — не только формальную, обеспечиваемую внешним совпадением слов и их дериватов, но и семантическую. Это подтверждают приводимые А. Ф. Журавлевым смол., дон., ворон. *жіло* 'житье, жизнь', сиб. *жіла* 'жилое место' [Там же; Филин (гл. ред.) 1972: 173, 175], а также влг. *на всю жілу* 'на всю жизнь' [Филин (гл. ред.) 1968: 366], влг. *жіло́й* 'физически сильный, здоровый' [Паникаровская (ред.) 1985: 87] и т. д. Примечательно, что, по одной из этимологических версий, слово *жила* интерпретируется как суффиксальное производное от той же основы, что *жить* [Шанский 1963: 292].

Физическое здоровье — это безусловная ценность для любого человека. Но для диалектоносителей эта ценность во многом определяется также тем, куда направлены физические силы, — а они неизбежно должны реализовываться в крестьянском труде. Анализируя диалектную лексику, характеризующую отношение человека к труду, М. А. Еремина отмечает, что трудолюбие в сознании носителя традиционной культуры — важнейшее внутреннее свойство человека, а потому «носителями» способности трудиться становятся внутренние части тела — жилы, кость, сердце; ср. *жилка* 'способность, склонность к какой-либо деятельности', *вытягивать жилы* 'работать усиленно, не жалея себя' [Еремина 2003: 62; 202]; показательно также *жілиться* 'стараться изо всех сил'. Определенную поддержку сказанному придает то, что образ крови (бегущей по жилам) также часто связывается с семантикой усилия, тяжелого труда, ср. *кровавый пот, до кровавых мозолей* (подробнее см. [Михалищева 2012: 49]).

В то же время жилам свойственна определенная уязвимость и болезненность — и носитель диалекта обращает на это особое внимание, поскольку больные жилы мешают полноценно двигаться и трудиться. Иногда в лексике отражаются преходящие патологические состояния, ср. перм. *жілы отломить* 'сильно ударившись, растянуть сухожилие' [Прокошева 2002: 246], влг. *защипнуть за жілу* 'о судорогах в икроножных мышцах' [Зорина 2014: 85]. Важное место в «жилыной» лексике и фразеологии занимает отражение ситуации надсады, чрезмерного или многолетнего труда с последующей потерей здоровья (как правило, необратимой): перм., пск. *надрывать жилы* 'тяжело работать' [Мокиенко, Никитина 2008: 232], сиб. *поднасадить жілочку* 'подорвать здоровье тяжелым многолетним трудом' [Мокиенко, Никитина 2008: 233], арх. *все жілы вытянуло* 'о состоянии усталости от повседневной работы (такой, что «сил больше нет»)' [Истомин и др. (ред.) 2013: 471]. Показательны следующие контексты,

описывающие такую ситуацию: *Смотри, какима соврулинами стало жильё-то у меня на руках от работушки тяжелой* (арх.) [Дуров 2011: 383]; *Все венки от тяжести вырвало* (арх.) [Гецова (ред.) 1993: 136]. При этом больные жилы являются не только следствием многолетнего телесного напряжения, но и препятствием к осуществлению физической деятельности: *У меня ноги-то все вырвало, жилы-те вырвало, все наверху, тяжело не нать <поднимать>* (арх.) [Гецова (ред.) 2012: 97].

Итак, болезненность натруженных вен, пожалуй, основная причина повышенного внимания к ним носителей диалекта. Но почему языку в этом случае нельзя было обойтись словом *варикоз* или «предложить» для этого собственно клинического понятия диалектные аналоги? Ведь, как уже говорилось, в говорах названия болезненных вен по сравнению с обозначением варикоза (собственно болезни) явно преобладают. Языковое предпочтение именно телесному проявлению (симптому, а не болезни) следует объяснить тем, что у вздувшихся вен есть, помимо болезненности, еще одна характерная особенность: они обладают специфическим внешним проявлением, проступая под кожей в виде продолговатых узловатых «нитей». Это становится причиной появления разнообразных метафор и сравнений при указании на них (при этом подчеркивается либо признак выпуклости, либо изогнутости сосудов): *А на руках-то у нее всяких винтов* (новг.) [Левичкин, Мызников 2010: 114]; *Вены напрягаются валам-то* (костр.) [ЛКТЭ]; *У мамы тоже вьюнами (вены)* (арх.); *Жилы идут чуть не Кавказским хребтом, а у других как французские булки* (арх.) [Гецова (ред.) 2012: 97]; *Всю жизнь работала, дак вон како выскирьё на руках* (влг.) [Матвеев (ред.) 2002: 275]; в последнем контексте представлена метафора на основе влг. *выскирьё* 'вывороченное с корнем дерево'. Ноги и руки, пораженные варикозом, «маркируются» такими определениями, как арх. *вёнистый, жиловáтый, жильевáтый* [Гецова (ред.) 2012: 108; 116], а сами вздувшиеся вены могут *вы́пехать* (арх.) [Гецова 1993: 72], *напрудётся* (арх.) [Дуров 2011: 347], т. е. выйти наружу. Кроме того, по отношению к вздувшимся венам употребляется ряд безличных глаголов, которые комплексно передают как характер внешнего проявления, так и признак связанной с этим симптомом боли, физического дискомфорта: арх. *вы́тянуть* [Гецова (ред.) 1993: 331], костр. *рвáть* [ЛКТЭ], арх. *вы́рвать* [Гецова (ред.) 1993: 136]: *Вы́рвало жильё от работы* (арх.). Действия разрывания и натягивания ассоциируются с физическим дискомфортом, но в то же время через такие действия можно передать вид как бы разорванных или натянутых варикозных вен. Впрочем, некоторые глаголы полностью «сосредоточены» на признаке боли: *Ноги у меня грызёт* (перм.) [Борисова, Прокошева 2000а: 190]; *Схватило жили-то* (арх.) [Гецова 2012 (ред.): 113].

Языковое предпочтение самим венам вместо понятия болезни, таким образом, следует объяснить отчасти доминированием конкретно-образного мышления над абстрактным у носителей диалекта, отчасти тем, что вздувшиеся вены — определенный специфический маркер ухудшения физического здоровья вследствие постоянного тяжелого труда. Функция маркирования вздувшихся вен ярко отражена в устойчивом сочетании арх. *вдѡвьѧ жѡла* ‘вздувшаяся вена на внутренней стороне пальцев рук’, ‘вздувшийся на переносице кровеносный сосуд, свидетельствующий о (будущем) вдовстве женщины’. Анализируя данное обозначение, Е. Л. Березович отмечает, что в нем следует предполагать реализацию представления о «проступании» вен от тяжелого труда, с которым сталкивается женщина после потери кормильца [Березович 2014: 239]. «“Вдовья” соматическая метафора отражает условия жизни вдовы и работает на “диагностику” состояния вдовства или на его предсказание» [Березович 2014: 276].

Определив причины важности представлений о вздувшихся венах для носителей традиционной культуры, рассмотрим более подробно, в чем специфика слов, которые их обозначают. Эти слова, с одной стороны, передают ощущение боли от варикоза, с другой стороны, представляют собой метафоры с акцентом на специфическом внешнем проявлении вздувшихся вен.

Среди наименований, связанных с болевым ощущением, заметны лексемы, которые являются родственными глаголу *рвать*: костр. *рвѡтина* [ЛКТЭ], томск. *рванѡна* [Блинова 2002: 89]. В этих обозначениях акцентируется связанное с воспалением ощущение «рвущей» боли, ср. литер. *нарыв*, *рвать* ‘тошнить’, а также костр. *рвѡтъ* ‘о зубной боли’, *рвѡтъ вѣны* ‘о венозных узлах’ [ЛКТЭ]. С другой стороны, с этими словами можно сопоставить перм., моск. *рванѡна* ‘о ветхой, надорванной веревке, бечевке, шнуре и т. п.’ [Там же: 353], что указывает на возможность метафорического переноса, при котором воспаленная вена сравнивается с натянутой веревкой. Семантический переход ‘нитка, веревка’ > ‘кровеносный сосуд’ отмечен и проанализирован в [Михалищева 2012: 32–33]. Не единожды приводимое ранее слово *жила* является ярким примером реализации такого перехода, так как оно обозначает как кровеносный сосуд, так и нитку [Михалищева 2012: 32]. При реализации перехода ‘нить/волокно’ > ‘кровеносный сосуд’ актуализируется сема ‘протяженный, длинный’ [Михалищева 2012: 33]. Далее увидим, в каких еще названиях вздувшихся вен «прочитывается» такая метафора.

Интересны такие слова, как влг. *прѡстни*, *прѡстѣнья* (мн. ч.) ‘вздувшиеся вены’ (*Все ноги в этих простнях*) [КСГРС], костр. *прѡстынь* (*На ноге простынь такой нагрызло*) [ЛКТЭ]. Их можно сопоставить с *прѡстень*

‘опухоль, нарост’ (ленингр.), которое является переносным от *прóбстень* ‘ком пряжи на веретене’ (арх., карел., ленингр.) [Герд (глав. ред.) 2002: 298]. Значение ‘расширенные вены’ у приведенных лексем также является переносным с участием образа волокна — пряжи с комьями, которые напоминают венозные «узлы». В то же время вариант *прóбстынь* наводит на мысль о других смысловых оттенках: корневая *ы* позволяет сопоставлять лексему с глаголом *стыть* ‘затвердевать’ (на уровне вторичного народно-этимологического притяжения) с актуализацией физиологического ощущения, будто вены затвердевают, застывают.

Обозначение вздувшейся вены костр. *ховру́ля* [ЛКТЭ] следует связывать с костр. *ховру́ля* ‘нарост на дереве’ [ЛКТЭ]: через сравнение с наростом передается идея выпуклости. В то же время любопытно, что в одном из контекстов слово связывается с другим образом — нитью с утолщениями: *Вот ткнут нитки толстые, ткани ткнутся. Как ховруля напряла — толсто, накорёкала — и вот ховруля* (костр.) [ЛКТЭ]. Соответственно, вполне возможно, что появление значения ‘кровеносный сосуд’ произошло не напрямую через ‘нарост на дереве’, а с участием важного образа утолщенной нити, который, как мы видели, работает на другие названия вздувшихся вен. В то же время нельзя исключать, что определенную «поддержку» для этого соматического обозначения могли оказать формально близкие слова *рвать*, *хворать* с содержащейся в них семантикой боли и воспаления.

Костр. *хру́ны* ‘вздувшиеся вены’ [ЛКТЭ] следует поставить в один ряд с другими словами, обозначающими болезненные образования, — с влг. *хру́на* ‘струп, короста’, *хру́ны* ‘болячки на голове’ [Трубачев (отв. ред.) 1981: 103]. Но стоит заметить, что по отношению к этим словам считаются родственными, например, моск. *хруньё* ‘изорванная одежда, лохмотья’, курск. *хру́ни* ‘лохмотья’ [Трубачев (отв. ред.) 1981: 103]. Все перечисленное приводится к глагольной праславянской основе **xręditi* с общим значением ‘болеть, страдать, хворать’, ср. олон. *хрядётъ* ‘худеть, хиреть’ [Трубачев (отв. ред.) 1981: 93–94]. Семантический переход ‘болеть’ > ‘лохмотья’ объясняется, по-видимому, тем, что для болезненного состояния характерны признаки нарушения целостности, «разорванности», что и приводит к появлению обозначений чего-то «в прямом смысле слова» разорванного. Что касается интересующего нас значения ‘вздувшиеся вены’, оно, по-видимому, появляется на пересечении двух мотивационных линий: через передачу признака боли, болезни и через реализацию упомянутого перехода ‘нитка, веревка’ > ‘кровеносный сосуд’. Показателен контекст: *Хруны эки, как верёвки вены сделаются* [ЛКТЭ].

Для всех рассматриваемых слов (*рвóтина/рванíна*, *ховру́ля*, *хру́ны*, *прóбстни*) так или иначе актуализируется признак утолщения, выпуклости.

Для передачи этого признака вздувшиеся вены сравниваются (или, по крайней мере, сравнение можно допустить) с натянутым волокном, нитью, веревкой (*хру́на, рвóтина/рвани́на*). Это сравнение тесно связано с ситуацией прядения, при котором появляются характерные утолщения на нитях (*прóстень, возможно, ховру́ля*). В то же время все слова семантически связаны с глаголами, передающими идею неприятного физиологического ощущения: *рвóтина — рвать, прóстень — стить, хру́на — хрядеть* 'болеть', *ховру́ля* (предположительно, вторично) — *рвать/хворать*). При этом нельзя сказать, что две эти мотивационные линии (сравнение с нитью и передача признака боли) друг друга исключают. Напротив, они друг друга дополняют. Внешний признак утолщения, выпуклости, «натянутости» вен подобно нитям сопрягается с актуализацией внутренних неприятных ощущений «обладателя» варикоза. Само появление образа утолщенных, «разорванных» нитей связано с такими признаками боли, как нарушение целостности, ощущение «надорванности». Такой комплекс позволяет для обозначений вздувшихся вен выделить мотивационную триаду 'боль' — 'рвать' — 'волокно/нить'.

Нам осталось проанализировать такое название вздувшейся вены, как арх. *совру́лина* [Дуров 2011: 383]. Оно является единожды зафиксированным и представляет собой затемненную в этимологическом отношении форму. Однако с учетом выделенных выше важных мотивационных признаков для названий вздувшихся вен мы предложим свои размышления касательно происхождения этой лексемы. Единственный известный нам контекст употребления слова (*Смотри, какима соврулинами стало жильё-то у меня на руках от работушки тяжелой*) позволяет предполагать, что вздушаяся вена с чем-то сравнивается. Учитывая другие рассмотренные выше обозначения вен, следует искать мотивирующее значение типа 'нить, волокно'. Однако обнаруживается не собственно семантика нити, а близкие по отношению к ней значения: арх. *сарау́лки, сарау́лочки* 'бисерная кайма на подоле сарафана', *совру́льки, савру́льки* 'бусы', *совру́лина, совору́линка* 'бусина, бусинка' [Сороколетов 2002: 16, 136; Сороколетов 2005: 191, 193], арх. *совру́лины* 'бусы с крупными бусинами' [Герд 2005: 195], олон. *совру́льки* 'бусы, выкапываемые из-под земли' [Куликовский 1898: 110]. Бусы также представляют собой нить с утолщениями (ср. *Соврулины раньше звали, бусы толсты* (арх.) [Герд 2005: 195]) — собственно бусинами, поэтому сравнение с ними «нитеобразных» узловатых вен в принципе оправдано. Но не следует на этом останавливаться, если учесть проблему происхождения перечисленных выше названий бус. М. Фасмер трактует олон. *совру́лька* 'фальшивый жемчуг, выкапываемый из-под земли' как неясное, но в примечании О. Н. Трубачева предлагается связь с глаголом *соврать* [Фасмер 1987: 706]. Логика такого

предположения, очевидно, связана с тем, что рассматриваемое слово может быть арготическим, ведь оно называет фальшивые камни, которые, вероятно, шли на продажу.

Позволим себе, однако, предположить для приведенных названий бус другой первоисточник (не исключая при этом возможной роли глагольных форм *соврать*). По нашему предположению, эти слова следует сопоставить с многочисленными лексемами, обозначающими ежевику и шиповник. Вот лишь некоторые из них: арх. *сараулина* [КСГРС], ворон., курск., орл., р. Урал *сербаліна*, ворон. *сербарін*, калуж. *сорбалінник*, твер. *сербалыніна*, ворон., ставроп. *сверебіна*, тул. *сербалэзник* 'шиповник', пск. *сарабаліна*, *сорбаліна*, новг., свердл. *сырбóліна*, ряз. *сноборіха* 'ежевика' [Сороколетов 2002: 129, 234; 2003: 181; 2005: 113; 2006: 12; 2010: 149] Полный перечень названий ежевики и шиповника с доминирующим начальным компонентом *сорб-/серб-* был приведен и проанализирован в [Шалаева 2019]. Мы приводим только малую часть этого многочисленного ряда, но приведенных лексем достаточно, чтобы увидеть, во-первых, их широкую распространенность в говорах, во-вторых, разнообразие вариантов в формальном отношении. В целях арготизации обозначений бус могло быть «проэксплуатировано» одно из таких названий ежевики или шиповника: бусы, как и ветви кустарника, являются продолговатыми и имеют выпуклости (ягоды/бусины). Повышенная формальная «пластичность» названий ежевики и шиповника⁴ создает благоприятные условия для появления внешне похожих, но не идентичных названий бус. Показательно, что среди них есть как наиболее близкие к обозначениям кустарников варианты *сараулки*, *сорбулины*, так и более далекие *соврульки*, *соврулины*. Узкий ареал названий бус по сравнению с широкой распространенностью названий ежевики и шиповника также позволяет считать, что значение 'бусы' вторично.

Возвращаясь к слову *соврулина* 'вздувшаяся вена', отметим, что его появление могло быть обусловлено не только значением 'бусы' у слов вроде *соврульки*, но и стоящими за ними «кустарниковыми» словами, о которых шла речь выше. Ежевика и шиповник, как уже было сказано, имеют продолговатые ветви с утолщениями (ягодами), и это можно считать метафорической базой для появления значения 'вздувшаяся вена'. В качестве параллели существует факт сравнения «жилы» (а точнее — сухожилия)

⁴ Названия шиповника и ежевики с компонентом *сорб-/серб-* представляют этимологическую проблему. Т. В. Шалаева осветила существующие версии происхождения этих названий и предполагает, что эти слова могли быть заимствованы (в качестве источника предлагается лат. *sorbaria* 'рябинник') [Шалаева 2019: 841]. Отмечается, что многообразие формальных вариантов характерно для лексических заимствований, у которых ввиду отсутствия связи с исконными корнями «нет опоры для сохранения стабильной структуры» [Шалаева 2019: 842].

с реалиями растительного мира. Русск. диал. лён ‘шейное сухожилие’ по происхождению является переносным на базе названия растения лён: как и в случае сравнения с нитью актуализируется сема ‘протяженный, длинный’ [Трубачев (отв. ред.) 1987: 115; Михалищева 2012: 33]. В то же время, помимо формы с характерными утолщениями, важен также цветовой признак, поскольку носители диалекта обращают внимание на характерный цвет венозных утолщений: *Видите, вены как видны синие* [Борисова, Прокошева (ред.) 2000а: 190]. Ср. также разделение в словаре В. И. Даля кровеносных сосудов на *жилы боевые* (артерии) и *жилы чернокровные* (вены) [Даль 1905: 504]. В связи с этим можно предположить, что темный цвет ягод ежевики мог послужить дополнительным общим с воспаленными венами признаком, способствующим появлению рассматриваемой соматической лексемы.

Источники

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / [соч.] Владимира Даля. 3-е, испр. и знач. доп. изд. под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Санкт-Петербург; Москва: Т-во М. О. Вольф, 1903–1909 (Санкт-Петербург). Т. 1. 1903; Т. 2. 1905.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1898. 151 с.

ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1903. 404 с.

Литература

Балахонова Л. И., Войнова Л. А. (ред.). Словарь современного русского литературного языка. Т. 14. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 1390 с.

Белова О. В. Кровь / Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 677–681.

- Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. 488 с.
- Березович Е. Л.* К этимологии русской лексики со значением жизненных сил // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. СПб.–М.: Нестор-История, 2021. С. 169–188.
- Блинова О. И.* (гл. ред.). Вершининский словарь. Т. 6: Р–С / Главный ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 454 с.
- Борисова А. Н., Прокошева К. Н.* (ред.). Словарь пермских говоров: в 2 вып. Вып. 1. Пермь: Кн. мир, 2000а. 479 с.; Вып. 2. Пермь: Кн. мир, 2000б. 574 с.
- Бояринова Л. З.* Словарь смоленских говоров. Вып. 8. Смоленск: СГПУ, 1998. 202 с.
- Герд А. С.* (гл. ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 5: подузурье – свильнуть / Отв. ред. Л. В. Зубова, И. С. Луговина, О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 664 с.
- Гецова О. Г.* (ред.). Архангельский областной словарь. Вып. 8. М.: Изд-во МГУ, 1993. 432 с.; Вып. 14. М.: Изд-во МГУ, 2012. 351 с.
- Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2011. 453 с.
- Еремина М. А.* Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2011. 236 с.
- Журавлев А. Ф.* Рус. двузначный // Этимология. 1985. М., 1988. С. 78–81.
- Зорина Л. Ю.* (отв. ред.). Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах; М-во образ. и науки РФ; Вологод. госуд. пед. ун-т. Вологда: ВГПУ, 2014. 304 с.
- Истомин А. А. и др.* (ред.). Устьянский народный словарь / Муницип. бюджет. учреждение культуры «Устьян. краевед. музей»; ред.: А. А. Истомин и др. П. Октябрьский [Архангельская область], 2013. 496 с.
- Крейдлиן Г. Е.* (отв. рук.). Язык и семиотика тела: в 2 т. Т. 1: Тело и телесность в естественном языке и языке жестов / Г. Е. Крейдлин (отв. рук.), П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий, С. И. Переверзева, Л. А. Хесед. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 672 с.
- Левичкин А. Н., Мызников С. А.* Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. XXVII, 1435 с.
- Матвеев А. К.* (ред.). Словарь говоров Русского Севера. Т. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 292 с.; Т. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 388 с.
- Михалищева С. С.* «Внутренние» соматизмы в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект: магистер. дис. / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2012. 123 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 785 с.
- Паникаровская Т. Г.* (ред.). Словарь вологодских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии. Вып. 2. Вологда, 1985. 183 с.; Вып. 6. Вологда, 1993. 122 с.

- Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 431 с.
- Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 36. СПб.: Наука, 2002. 344 с.; Вып. 39. СПб.: Наука, 2005. 342 с.; Вып. 40. СПб.: Наука, 2006. 346 с.; Вып. 43. СПб.: Наука, 2010. 350 с.
- Трубачев О. Н. (отв. ред.). Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 8. М.: Наука, 1981. 252 с.; Вып. 14. М.: Наука, 1987. 268 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Наука, 1987. Т. 3. 832 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 3. М.; Л.: Наука, 1968. 360 с.; Вып. 9. М.; Л.: Наука, 1972. 362 с.
- Шабалина Е. В. Семантико-мотивационное своеобразие русской лексики с числовым компонентом: этнолингвистический аспект: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2011. 175 с.
- Шалаева Т. В. К этимологии восточнославянских фитонимов с элементами *сorb-/серб-* // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. 968 с. С. 834–848.
- Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. Вып. 1. М.: Московский университет, 1963. 197 с.
- Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.

References

- Balakhonova L. I., Voinova L. A. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1963. Vol. 14. 1390 p.
- Belova O. V. [Blood]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'* [Slavic antiquities: ethno-linguistic dictionary. Gen. ed. of N. I. Tolstoj]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1999, vol. 2, pp. 677–681.
- Berezovich E. L. *Russkaja leksika na obščeslavjanskom fone: semantiko-motivatsionnaja rekonstruktsiya* [Russian lexis against a general Slavic background: semantical and motivational reconstruction]. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Science and Education Publ., 2014. 488 p.
- Berezovich E. L. [On the etymology of Russian lexis designating life-forces]. *Slova, konstruktsii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti* [Words, constructions and textes in the history of Russian writing]. Collection of articles for the 70th anniversary of the academician A. M. Moldovan. St. Petersburg – Moscow, Nestor-Istoriya Publ., 2021. (In Russ.)
- Blinova O. I. (ch. ed.). *Vershininskij slovar'* [Dictionary of the village of Vershinino]. Vol. 6. Tomsk, Tomsk Univ. Publ., 2002. 454 p.

- Borisova A. N., Prokosheva K. N. (ed.). *Slovar' permskikh gororov* [Dictionary of Perm dialects] Vol. 1. Perm, Knizhnyi Mir Publ., 2000. 479 p.; Vol. 2. Perm, Knizhnyi Mir Publ., 574 p.
- Boyarinova L. Z. *Slovar' smolenskikh gororov* [Dictionary of Smolensk dialects]. Smolensk, Smolensk Univ. Publ., 1998. Vol. 8. 202 p.
- Durov I. M. *Slovar' zhivogo pomorskogo yazyka v ego bytovom i etnograficheskom primeneni* [Dictionary of living Pomor language in its household and ethnographic use]. Resp. ed. I. I. Mullonen. Petrozavodsk, Russian Academy of Science Publ., 2011. 453 p.
- Eremina M. A. *Leksiko-semanticheskoe pole "Otnoshenie cheloveka k trudu" v russkikh narodnykh gororakh: etnolingvisticheskii aspekt*. Diss. cand. fil. nauk [Lexical and semantic field "People's attitude to work": ethnolinguistic aspect. Candidate philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2011. 236 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1987. Vol. 3. 832 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh gororov* [Dictionary of Russian dialects]. Vol. 3. Moscow, Leningrad, Nayka Publ., 1968. 360 p.; Vol. 9. Moscow, Leningrad, Nayka Publ., 1972. 362 p.
- Gerd A. S. (ch. ed.). *Slovar' russkikh gororov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [Dictionary of Russia dialects of Karelia and neighboring regions]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Publ., 2002. Vol. 5. 664 p.
- Getsova O. G. (ed.). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Vol. 5. Moscow, Moscow Univ. Publ., 2012. 351 p.
- Istomin A. A. and others (ed.). *Ust'yanskii narodnyi slovar'. P. Oktyabr'skii (Arkhangel'skaya oblast')* [Folk dictionary of Ustyansky District. Oktyabr'skii town (Arkhangelsk Region)]. Local History Museum Publ., 2013. 496 p.
- Kreidlin G. E. (exec. officer). *Yazyk i semiotika tela* [in 2 vol. Vol. 1] *Telo I telesnost' v estestvennom yazyke i yazyke zhestov* [Language and body semiotics: in 2 vol. Vol. 1: Body and embodiment in natural language and sign language]. Moscow, Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ., 2020. 672 p.
- Levichkin A. N., Myznikov S. A. *Novgorodskii oblastnoi slovar'* [Novgorod regional dictionary]. Ed. by A. K. Matveev. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 1435 p.
- Matveev A. K. (ed.). *Slovar' gororov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vol. 2. Yekaterinburg, Ural Federal Univ. Publ., 2002. 292 p.; Vol. 3. Yekaterinburg, Ural Federal Univ. Publ., 2005. 388 p.
- Mikhailishcheva S. S. *"Vnutrennie" somatizmy v russkoi yazykovoi traditsii: etnolingvisticheskii aspekt* ["Inner" somatisms in the Russian linguistic heritage: ethnolinguistic aspect: master's thesis]. Yekaterinburg, 2012. 123 p.
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [Great dictionary of Russian sayings]. Moscow, Media Grupp Publ., 2008. 785 p.
- Panikarovskaya T. G. (ed.). *Slovar' vologodskikh gororov* [Dictionary of Vologda dialects: textbook on Russian dialectology]. Vol. 2. Vologda, 1985. 183 p.; Vol. 6. Vologda, 1993. 122 p.

- Prokosheva K. N. *Frazeologicheskii slovar' permskikh govorov* [Phraseological dictionary of Perm dialects]. Perm, Perm Univ. Publ., 2002. 431 p.
- Shabalina E. V. *Semantiko-motivatsionnoe svoeobrazie russkoi leksiki s chislovyim komponentom: etnolingvisticheskii aspekt. Diss. cand. fil. nauk* [Semantic and motivational singularity of Russian vocabulary with a numerical component: ethnolinguistic aspect. Candidate philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2011. 175 p.
- Shalaeva T. V. [On the etymology of East Slavic phytonyms with the *сorb-/серб-* (sorb-/serb) elements]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and studies)]. St. Petersburg, 2019, pp. 834–848. (In Russ.)
- Shanskii N. M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Iss. 1. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1963. 197 p.
- Shvedova N. Yu. (resp. ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with information on words origin]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 1175 p.
- Sorokoletov F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian dialects]. Vol. 36. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 344 p.; Vol. 39. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 342 p.; Vol. 40. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 346 p.; Vol. 43. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 350 p.
- Trubachev O. N. (resp. ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic vocabulary]. Vol. 8. Moscow, Nauka Publ., 1981. 252 p.; Vol. 14. Moscow, Nauka Publ., 1987. 268 p.
- Zhuravlev A. F. [Рус. *двузначный* (dvuzhil'nyi)]. *Etimologia* [Etymology], 1985. Moscow, 1988, pp. 78–81. (In Russ.)
- Zorina L. Yu. (resp. ed.). *Zolotyie rossypi: slovar' ustoichivykh oborotov rechi v vologodskikh narodnykh govorakh* [Gold fields: dictionary of fixed figures of speech in Vologda dialects]; Vologda, Vologda Univ. Publ., 2014. 304 p.